

5.6.1. Отечественная история

УДК 908

DOI 10.22311/2074-1529-2022-18-1-147-160

А. Н. Такова

Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра
Российской академии наук, г. Нальчик

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОБЩЕСТВЕННО- ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУСУЛЬМАНСКОГО ДУХОВЕНСТВА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ПЕРИОД МЕЖДУ ФЕВРАЛЬСКОЙ И ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИЯМИ 1917 Г.

ТАКОВА Александра Николаевна —

канд. ист. наук, ст. науч. сотр. сектора новейшей истории.

Институт гуманитарных исследований

Кабардино-Балкарского научного центра РАН

(360000, Россия, Кабардино-Балкарская Республика,

г. Нальчик, ул. Пушкина, д. 18).

E-mail: sanatakova@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается деятельность мусульманского духовенства Северного Кавказа в период между Февральской и Октябрьской революциями 1917 г., когда эта социальная группа находилась в авангарде политических процессов в регионе. Обосновываются социальные границы данной группы, ее роль в жизни народов региона в рассматриваемый период. Анализируются инициативы мусульманского духовенства, касающиеся изменений в различных сферах жизни северокавказского социума. Прослеживается эволюция его политической линии от плотного взаимодействия с национальной интеллигенцией, характерного для весны 1917 г.,

до претензий на полноту политической власти, явственно оформившихся к лету 1917 г. Уделяется внимание попыткам воплощения идеи создания на Северном Кавказе теократического государства. Подчеркивается отсутствие политического единства в среде мусульманского духовенства, объясняются причины углубления противоречий в последующий после Октябрьской революции 1917 г. период. Дается оценка роли данной социальной группы в политических процессах на Северном Кавказе между Февральской и Октябрьской революциями 1917 г.

Ключевые слова: революция, мусульманское духовенство, муфтий, имам, теократическое государство, съезд.

Для цитирования: *Такова А. Н.* Некоторые аспекты общественно-политической деятельности мусульманского духовенства Северного Кавказа в период между Февральской и Октябрьской революциями 1917 г. // Ислам в современном мире. 2022; 2: 147–160;

DOI 10.22311/2074-1529-2022-18-2-147-160;

Статья поступила в редакцию: 28.02.2022

Статья принята к публикации: 15.05.2022

Период между Февральской и Октябрьской революциями 1917 г. — одна из наиболее драматичных страниц истории нашей страны в целом и ее регионов в частности. Это время динамичных тотальных изменений, выдвинувших на авансцену истории те или иные социальные группы. На Северном Кавказе в рассматриваемый период одной из таких групп являлось мусульманское духовенство, сыгравшее в политических процессах, происходящих здесь, значительную, во многом даже определяющую роль.

Целью исследования является рассмотрение роли мусульманского духовенства в политических событиях на Северном Кавказе между Февральской и Октябрьской революциями 1917 г. Анализируются причины усиления его политической активности и влияния на развитие региональных процессов.

Источниковой базой работы послужили сборники документов, отражающих деятельность различных акторов политических процессов¹, архивные материалы. Некоторые аспекты темы отражены в работах Т. Музаева, В. Лобанова, А. Артемьева, И. Сулаева, Т. Матиева,

¹ Материалы съездов горских народов Северного Кавказа и Дагестана 1917 года / сост., авт. вступ. ст. А. Х. Кармов. Нальчик, 2014. 168 с.; Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.), Горская республика (1918–1920 гг.): документы и материалы / отв. ред. А. И. Османов. Махачкала, 1994. 438 с.

А. Кулумбековой, И. Бабич, С. Орешина, Т. Литвиновой, М. Вачагаева¹ и др. авторов.

Термин «мусульманское духовенство» довольно условен, так как особого духовного сословия в исламе нет. Теоретически любой «...совершеннолетний мусульманин, обладающий знанием и морально-нравственным авторитетом, с согласия верующих может руководить религиозной жизнью мечетского общества без специальной процедуры посвящения в сан (как, например, рукоположение у христианских священнослужителей), не приобретая при этом никаких социальных привилегий»². Однако, исторические реалии Северного Кавказа исследуемого периода позволяют в полной мере использовать означенный термин. В рамках рассматриваемого социума духовенство выделяется довольно четко. Кроме того, процесс вхождения в него был формализован и регулировался государством. Так, в распоряжении начальника Терской области (от 8 января 1893 г.) говорилось: «...чтобы сельские муллы в магометанских селениях на будущее время назначались не иначе как по выбору окружного кадия и мною утверждались»³. Также имеются сведения о том, что, к примеру, на базе Нальчикского горского словесного суда проводились своего рода экзамены для претендентов на духовные должности, для чего создавались комиссии, которые возглавлял кадий суда⁴.

В целом накануне Февральской революции 1917 г. духовенство Северного Кавказа составляло четко определяемую социальную группу, по своему положению тяготеющую к привилегированному слою. По сравнению с прочим социумом оно отличалось довольно высоким

¹ Музаев Т. М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 — март 1918 года. Нальчик, 2012. 608 с.; Лобанов В. Б., Артемьев А. С. Владикавказский съезд горских народов Северного Кавказа в мае 1917 г. // Современная научная мысль. 2019. № 2. С. 73–77; Сулаев И. Х. Общественно-политические и социальные взгляды Нажмуддина Гоцинского (1859–1925 гг.) // Религиоведение. 2018. № 2. С. 21–29; Матиев Т. Х. Роль религиозной составляющей в национальном движении горцев Северного Кавказа во второй половине 1917 г. // Современная научная мысль. 2020. № 1. С. 33–37; Кулумбекова А. К. Терское казачество в межнациональных отношениях на Северном Кавказе в 1917 г. // Вестник Владикавказского научного центра. 2013. № 1. С. 27–35; Бабич И. Л. Государственно-правовое регулирование религиозной политики Российской империи на Северном Кавказе (конец XVIII — начало XX в.) // Журнал социально-политических и экономических исследований. 2008. № 3. Т. 2. С. 48–62; Орешин С. А. Мусульманская теократическая монархия на Северном Кавказе в период российской Революции 1917 года и Гражданской войны: идеи и попытки реализации // Исламоведение. 2019. № 3. Т. 10. С. 81–92; Литвинова Т. Н. Политическая институционализация и борьба элит на Северном Кавказе в период революции 1917 года и Гражданской войны // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. XX. № 4. С. 154–168; Вачагаев М. М. Союз горцев Северного Кавказа и Горская республика. История несостоявшегося государства. 1917–1920. М., 2018. 351 с.

² Ислам на территории бывшей Российской империи: энциклопедический словарь. Вып. 2. / отв. ред. С. М. Прозоров. М., 1999. С. 67.

³ Центральный государственный архив Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 271. Л. 45 об.

⁴ Бабич И. Л. Государственно-правовое регулирование религиозной политики Российской империи на Северном Кавказе (конец XVIII — начало XX в.) // Журнал социально-политических и экономических исследований. 2008. Т. 2. № 3. С. 57.

образовательным уровнем. У немалой части его представителей было специальное богословское образование. Повседневная деятельность мусульманского духовенства имела довольно широкий спектр проявлений. Нередко одно и то же лицо могло быть главой мусульманской общины, государственным служащим, например, кадием при горском словестном суде, учителем в медресе и даже лекарем. В целом роль представителей данной социальной группы в повседневной жизни северокавказского общества была значительна и в широком смысле сводилась к координации разных ее сторон.

Февральская революция 1917 г. для Северного Кавказа в целом оказалась событием во многом неожиданным, поставившим регион перед необходимостью политического самоопределения. Она способствовала выдвижению большого числа политических лидеров, деятельность которых во многом определила дальнейший вектор развития всего региона. Основными социальными группами, из среды которых вышла большая часть политических лидеров Северного Кавказа периода революции, были духовенство и горская интеллигенция. Именно они в начале 1917 г., оценив историчность текущего момента и его большой потенциал для будущего региона, встали во главе политического процесса. Стоит отметить, что ни представители горской интеллигенции, ни духовенство к началу революции не были инкорпорированы во властные структуры региона, который, по сути, управлялся внешне. Соответственно, у них отсутствовал практический управленческий и политический опыт. Однако данный недостаток компенсировался их хорошим знанием местных реалий, довольно высоким образовательным уровнем, определенными устойчивыми взглядами на возможное решение острых, объективно присутствовавших на протяжении многих десятилетий региональных проблем (земельный вопрос, межнациональные отношения и пр.), системой тесных неформальных связей и, несомненно, личными властными амбициями.

В первые месяцы после Февральской революции между представителями данных социальных групп сложился своего рода политический тандем. Наиболее показательным примером его практического воплощения была деятельность съездов горских народов. Съезды представляли собой уникальное явление в политической истории Северного Кавказа. Они были своего рода форумами, вызванными к жизни необходимостью обсуждения злободневных вопросов, затрагивающих историческое будущее всех без исключения народов, его населяющих.

На I съезде горских народов Северного Кавказа и Дагестана, состоявшемся во Владикавказе 1–7 мая 1917 г., мусульманское духовенство как одна из наиболее политически активных социальных групп громко заявило о себе. С 3 по 5 мая 1917 г. в рамках данного съезда работала специальная мусульманская секция. Она приняла ряд важных положений,

направленных на коренные изменения существовавшей до этого в регионе судебной системы. Самым принципиальным было решение «...во все судебные дела мусульман ввести правила Корана и шариата»¹. До этого в судебной системе региона сфера применения норм шариата была ограничена преимущественно разбором внутрисемейных конфликтов и вопросов наследования. По словам А. Абазова «...по шариату рассматривались дела о разводе, о законности рождения, о калыме, о наследстве и ряд других»². Теперь же предлагалось применять эти нормы при разборе всех без исключения судебных дел. Также на данной секции было решено учредить окружные и областные шариатские суды, разработать правила избрания кадиев судов и имамов³. Кроме того, был поставлен вопрос о создании учебных заведений для подготовки знатоков шариата. Важным решением было учреждение должности северокавказского шейх-ул-ислама⁴, муфтия, духовного лидера региона. Эту должность получил представитель Дагестана, знаток арабской религиозной литературы, пользовавшийся определенной популярностью Н. Гоцинский. Избрание муфтия региона стало крайне важным событием. Оно явилось необходимым шагом к созданию Северокавказского духовного управления, насущная потребность в котором была очевидной и вопрос о котором стоял на повестке дня еще перед революцией.

Влияние мусульманского духовенства на съезде распространялось на решение не только религиозных вопросов. Напротив, оно четко прослеживалось и при рассмотрении тем, непосредственно с религией не связанных. К примеру, во время обсуждения реформы системы образования было решено, чтобы «для всех горцев Кавказа за основу... был принят арабский алфавит»⁵. А при рассмотрении земельного вопроса прозвучало предложение, чтобы «в отношении горцев-мусульман аграрный вопрос был разрешен согласно нормам шариата»⁶. Появление в резолюции съезда данного пункта, по мнению ряда исследователей, произошло именно «под давлением делегатов от мусульманского духовенства»⁷.

На I съезде была создана новая политическая организация — Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, избран его

¹ Материалы съездов горских народов Северного Кавказа и Дагестана 1917 года. С. 91.

² Абазов А. Х. Нальчикский горский словесный суд в конце XIX — начале XX в. [Электронный ресурс] // URL: [http://www.kavkazoved.info/news/2015/04/17/nalchikskij...v...xix...\(дата обращения: 20.01.2022\)](http://www.kavkazoved.info/news/2015/04/17/nalchikskij...v...xix...(дата обращения: 20.01.2022)).

³ Материалы съездов горских народов Северного Кавказа и Дагестана 1917 года. С. 92.

⁴ Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.), Горская республика (1918–1920 гг.): документы и материалы / отв. ред. А. И. Османов. Махачкала, 1994. С. 37–39.

⁵ Вачагаев М. М. Союз горцев Северного Кавказа и Горская республика. История несостоявшегося государства. 1917–1920. С. 40.

⁶ Лобанов В. Б., Артемьев А. С. Владикавказский съезд горских народов Северного Кавказа в мае 1917 г. // Современная научная мысль. 2019. № 2. С. 75.

⁷ Там же.

исполнительный орган — Центральный комитет (далее — ЦК) во главе с Т. Чермоевым в составе 17 человек. В данный ЦК представители от мусульманского духовенства не вошли. Однако при ЦК был сформирован отдельный Духовный совет, состоявший из 9 представителей духовенства от разных народов региона. Подобное разделение политических лидеров Северного Кавказа представляет определенный интерес. Возможно, оно явилось зачатком процесса отделения Церкви от государства, которому в революционных условиях не удалось развиваться.

Весной–летом 1917 г. социально-политическая обстановка на Северном Кавказе была крайне нестабильной. Повсеместно происходили вооруженные столкновения, самозахваты земель, грабежи, угоны скота. Особенно драматические события развернулись на Восточном Кавказе между вайнахами и казаками, принимая форму жестокого кровопролитного противостояния. При этом в регионе так и не появилась политическая сила, способная удержать его от погружения в хаос. ЦК, претендовавший на лидирующую роль в северокавказском политическом процессе, так и не смог выстроить жизнеспособную вертикаль власти. Очевидная слабость многочисленных, поспешно созданных весной 1917 г. разного рода политических образований, их неспособность разрешать перманентно вспыхивающие в регионе конфликты сделали обращение к религии, точнее, к ее потенциальному стабилизирующему ресурсу, вполне ожидаемым. По словам И. Сулаева, в этот сложный период «...десятки обществ на сходах все чаще выносили решение о введении шариата как основы правопорядка»¹.

С данным процессом был неразрывно связан рост политических амбиций мусульманского духовенства, воплотившийся в усилении его влияния на процессы, происходившие в регионе. Это влияние ощущалось повсеместно. К примеру, в июне 1917 г. на съезде представителей духовенства и сельских общин Чечни было принято решение о повсеместном введении в субрегионе норм шариата². При этом комиссаром Грозненского округа был назначен представитель духовенства — авторитетнейший шейх Д. Арсанов. Кроме того, «...было решено отменить действующие среди чеченцев словесные народные суды и учредить суды шариатские»³. Нормы шариата стали все чаще применяться и для урегулирования постоянно вспыхивающих в регионе конфликтов. К примеру, после серии кровавых столкновений между казаками и ингушами во Владикавказе в августе 1917 г. специальный съезд, под председательством представителя Кабарды

¹ Сулаев И. Х. Общественно-политические и социальные взгляды Нажмуддина Гоцинского (1859–1925 гг.) // Религиоведение. 2018. № 2. С. 23.

² Матиев Т. Х. Роль религиозной составляющей в национальном движении горцев Северного Кавказа во второй половине 1917 г. // Современная научная мысль. 2020. № 1. С. 34.

³ Сусуев З. А. Чечено-российские отношения и идея чеченской государственности: политический очерк. М., 2018. С. 74.

П. Коцева принял решение судить «разбойников» по шариату (в том числе убийц за кровную месть)¹. Этот факт весьма примечателен. Дело в том, что ранее дела о кровной мести в регионе решались на основе норм адата (обычного права). Возможно, подобная трансформация объяснялась тем, что категория кровной мести в рамках шариата предполагала единоличную ответственность, в то время как по адату — коллективную, что в условиях и без того перманентно вспыхивающих конфликтов способствовало бы еще большему погружению региона в пучину хаоса. Интересно также отметить, что в свете данного решения нормы шариата предполагалось применять и в отношении немусульман. Однако об успешности этого нововведения судить сложно.

В рассматриваемый период на Северном Кавказе все большую популярность обрела идея построения теократического государства. В условиях революционного хаоса, когда хоть какое-то подобие порядка поддерживалось преимущественно авторитетом той или иной личности, она виделась как возможный способ спасти регион от полной анархии. Данную идею продвигала часть регионального духовенства, активно транслируя ее в народную среду. Их массированная пропагандистская работа исчерпывалась призывами «к неповиновению Временному правительству... за установление шариатской власти»². Подобного рода пропаганда по-разному была воспринята в различных частях региона. Если в горных селениях Чечни и Дагестана, там, где идеи построения теократического государства не были просто неким теоретическим конструктом, а имели реальный и вполне удачный практический прецедент в относительно недавнем историческом прошлом, она ожидаемо обрела популярность. Однако население Центрального и Северо-Западного Кавказа в большинстве своем отнеслось к ней индифферентно.

Наиболее ярко властные амбиции мусульманского духовенства и его претензии на полноту политической власти в регионе проявились на II съезде горских народов Северного Кавказа и Дагестана, который состоялся в августе 1917 г. в с. Анди (Дагестан). II съезд изначально созывался ЦК для обсуждения злободневных вопросов, стоявших перед политическими лидерами региона: об организации народной милиции для борьбы с грабежами и беспорядками, о продовольственном снабжении, об источниках финансирования работы организации, о подготовке к выборам в Учредительное собрание и др. Однако в реальности он свелся к попытке части мусульманского духовенства избрать имама региона.

¹ Кулумбекова А. К. Терское казачество в межнациональных отношениях на Северном Кавказе в 1917 г. // Вестник Владикавказского научного центра. 2013. № 1. С. 31.

² Орешин С. А. Мусульманская теократическая монархия на Северном Кавказе в период российской Революции 1917 года и Гражданской войны: идеи и попытки реализации. С. 85.

Сторонники идеи построения на Северном Кавказе теократического государства стали на съезде доминирующей силой. Лидером данного направления был шейх Узун-Хаджи, попытавшийся вместе со своими единомышленниками использовать съезд в качестве площадки для избрания имама региона. В качестве последнего виделся муфтий Н. Гоцинский. Избрание имама для сторонников идеи построения на Северном Кавказе теократического государства имело исключительно важное значение, так как разница между муфтием и имамом была принципиальной. Муфтий считался лишь духовным лидером, компетенции которого ограничивались исключительно вопросами религии. Имам же претендовал на высшую, причем политическую власть. Избрание имама в сложившихся на тот момент на Северном Кавказе политических условиях имело бы колоссальные последствия. Оно означало бы как минимум разрыв с Временным правительством и, следовательно, с представлявшими его власть на местах многочисленными национальными комитетами. Стоит отметить, что отношение к идее построения теократического государства, перманентно присутствовавшей в политической риторике региона на протяжении всего рассматриваемого периода, было разным, порой даже диаметрально противоположенным, причем в рамках одних и тех же социальных групп, в том числе мусульманского духовенства. Серьезность попытки избрания имама и при этом политическую непредсказуемость этого шага прекрасно осознавали все политические лидеры региона.

В целом съезд в Анди представлял собой весьма необычное действо. Помимо самих делегатов, к Анди стекались многотысячные толпы экзальтированно настроенных людей, ведомых слухами о том, что там произойдет нечто сверхъестественное. Сложно сказать, кто был ответствен за их распространение. Очевидно лишь, что они сыграли на руку сторонникам имамата, так как обеспечили им психологическую поддержку.

Объявление имамом региона Н. Гоцинского на съезде в Анди все-таки состоялось. Удалось даже провести церемонию принесения ему присяги, во время которой, по свидетельству очевидцев, некоторые особенно экзальтированные ее участники целовали полы одежды новоявленного имама¹. Однако неожиданно происходящее вызвало мощный протест немалой части делегатов, причем как светского крыла, так и, что особенно интересно, мусульманского духовенства. На съезде «разгорелся грандиозный скандал внутри сообщества религиозных деятелей»². Не желая участвовать в происходящем, часть делегатов

¹ Матиев Т. Х. Роль религиозной составляющей в национальном движении горцев Северного Кавказа во второй половине 1917 г. // Современная научная мысль. 2020. № 1. С. 36.

² Кармов А. Х. Пшемахо Коцев — общественно-политический и государственный деятель Северного Кавказа. Нальчик, 2018. С. 11.

«покинули съезд»¹. Это можно расценивать как попытку его срыва или как минимум стремление поставить под сомнение его легитимность. Некоторые же направлявшиеся на съезд, но не успевшие доехать до Анди делегаты, получив сообщения о том, что там происходит, предпочли вообще не принимать в нем участия.

В самом же Анди шли жаркие дискуссии между сторонниками и противниками происходящего. В итоге противникам идеи имамата удалось добиться перевеса и убедить Н. Гоцинского отказаться от претензий на имамство и согласиться остаться лишь муфтием Северного Кавказа и Дагестана, то есть исключительно духовным лидером региона. Данное решение было позже подтверждено на съезде горских народов во Владикавказе в сентябре 1917 г. Хотя, забегая вперед, отметим, что в последующий период Н. Гоцинский неоднократно «жонглировал» обоими своими титулами, называя себя то имамом, то муфтием, в зависимости от того, что было выгодно в конкретный исторический момент.

В целом отказ Н. Гоцинского от имамства на съезде в Анди довольно любопытен и говорит как минимум о его неуверенности в правильности совершаемых им же действий. Возможно, сам Н. Гоцинский осознавал, что объявление его имамом означало бы прохождение некоей точки невозврата, означавшей полный разрыв или даже, возможно, открытый конфликт с противниками идеи имамата, которых, как показали происходящие в Анди события, было не так уж мало. По этому поводу исследователь А. Камбиев, предположил, что Н. Гоцинский отступил, так как «не хотел окончательно рвать со светской интеллигенцией региона»².

В свою очередь покинувшие съезд и не успевшие прибыть в Анди делегаты, возмущенные действиями сторонников имамата, провели экстренное совещание в с. Ведено. На нем было принято решение «перенести Второй горский съезд на 20 сентября (3 октября) и провести его во Владикавказе»³. Тем самым были объявлены недействительными сам съезд и, соответственно, все принятые на нем решения. Позже в прессе по этому поводу сообщалось, что II съезд в Анди не состоялся «за неприбытием значительного числа делегатов, часть которых застряла в селекции Ведено за отсутствием перевозочных средств»⁴. Наиболее корректную оценку событиям в Анди августа 1917 г., по нашему мнению, дал М. Вачагаев, отметивший, что «съезд в Анди можно по праву считать

¹ Литвинова Т. Н. Политическая институционализация и борьба элит на Северном Кавказе в период революции 1917 года и Гражданской войны // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. XX. 2017. № 4. С. 158.

² Камбиев А. М. Нажмуддин Гоцинский — активный деятель революции и Гражданской войны на Северном Кавказе (1917–1920) // Современная научная мысль. 2021. № 2. С. 137.

³ Музаев Т. М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 — март 1918 года. С. 183.

⁴ Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. 614-р. Оп. 1. Д. 4. Л. 14.

съездом мусульманского духовенства Северного Кавказа, с оговоркой, что при этом присутствовало все руководство ЦК Союза горцев»¹.

Историческое значение съезда в Анди не стоит недооценивать. Основным его итогом, несомненно, стал срыв попытки избрания имама региона, в результате чего удалось избежать решительного шага в сторону создания на Северном Кавказе теократического государства. Вопреки ожиданиям Н. Гоцинского, Узун-Хаджи и их сторонников, идея имамата не получила подавляющей поддержки присутствовавших, а, напротив, вызвала решительное сопротивление немалой части делегатов, в том числе представителей мусульманского духовенства, чего, возможно, никто не ожидал. Съезд обнажил тем самым наличие принципиальных разногласий в среде политической элиты региона по вопросу его политического будущего. Кроме того, съезд наглядно продемонстрировал серьезность претензий сторонников имамата на высшую политическую власть в регионе и готовность за нее бороться всеми возможными средствами.

После Октябрьской революции 1917 г. попытки построения в регионе теократического государства предпринимались еще несколько раз. Для их реализации применялись силовые методы, дипломатические ухищрения, активная пропаганда среди населения и даже помощь иностранных государств. Однако на практике все они были неудачными или, как, например создание в 1919 г. Северокавказского Эмирата, недолговечными. В целом идея создания теократического государства оказалась политически несостоятельной.

После Октябрьской революции 1917 г. политическая активность мусульманского духовенства продолжала оставаться высокой, а разногласия в его среде, наглядно проявившиеся в 1917 г., еще более углубились. В период Гражданской войны представители данной социальной группы могли находиться в разных политических лагерях. При этом немалая их часть поддерживала большевиков. Стоит отметить, что большевики на Северном Кавказе, «контактируя с мусульманским населением Терека, старались не обнаруживать свою атеистическую сущность и проявляли демонстративную лояльность в отношении ислама»². Во многом благодаря этому определенную популярность в регионе обрела идея о возможности органичного сочетания большевизма с ключевыми принципами исламской религии. Ее практическим воплощением стало появление в регионе воинских формирований, выступавших под лозунгом «Да здравствует советская власть и шариат!» и сыгравших важную роль в утверждении в регионе советской власти.

¹ Вачагаев М. М. Союз горцев Северного Кавказа и Горская республика. История несостоявшегося государства. 1917–1920. С. 51.

² Жанситов О. А. Гражданская война в Кабарде: национально-религиозный аспект // Актуальные проблемы истории и этнографии народов Кавказа: сборник к 60-летию В. Х. Кажарова. Нальчик. 2009. С. 348.

Литература

Бабич И. Л. Государственно-правовое регулирование религиозной политики Российской империи на Северном Кавказе (конец XVIII — начало XX в.) // Журнал социально-политических и экономических исследований. 2008. Т. 2. № 3. С. 48–62.

Вачагаев М. М. Союз горцев Северного Кавказа и Горская республика. История несостоявшегося государства. 1917–1920. М., 2018. 351 с.

Жанситов О. А. Гражданская война в Кабарде: национально-религиозный аспект // Актуальные проблемы истории и этнографии народов Кавказа: сборник к 60-летию В. Х. Кажарова. Нальчик, 2009. С. 347–357.

Ислам на территории бывшей Российской империи: энциклопедический словарь. Вып. 2 / отв. ред. С. М. Прозоров. М., 1999. 167 с.

Камбиев А. М. Нажмуддин Гоцинский — активный деятель революции и Гражданской войны на Северном Кавказе (1917–1920) // Современная научная мысль. 2021. № 2. С. 135–140.

Кармов А. Х. Пшемахо Коцев — общественно-политический и государственный деятель Северного Кавказа. Нальчик, 2018. 168 с.

Кулумбекова А. К. Терское казачество в межнациональных отношениях на Северном Кавказе в 1917 г. // Вестник Владикавказского научного центра. 2013. № 1. С. 27–35.

Лобанов В. Б., Артемьев А. С. Владикавказский съезд горских народов Северного Кавказа в мае 1917 г. // Современная научная мысль. 2019. № 2. С. 73–77.

Литвинова Т. Н. Политическая институционализация и борьба элит на Северном Кавказе в период революции 1917 года и Гражданской войны // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. XX. № 4. С. 154–168.

Материалы съездов горских народов Северного Кавказа и Дагестана 1917 года / сост., авт. вступ. ст. А. Х. Кармов. Нальчик, 2014. 168 с.

Матиев Т. Х. Роль религиозной составляющей в национальном движении горцев Северного Кавказа во второй половине 1917 г. // Современная научная мысль. 2020. № 1. С. 33–37.

Музаев Т. М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 — март 1918 года. Нальчик, 2012. 606 с.

Орешин С. А. Мусульманская теократическая монархия на Северном Кавказе в период российской Революции 1917 года и Гражданской войны: идеи и попытки реализации // Исламоведение. 2019. Т. 10. № 3. С. 81–92.

Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.), Горская республика (1918–1920 гг.): документы и материалы / отв. ред. А. И. Османов. Махачкала, 1994. 438 с.

Сулаев И. Х. Общественно-политические и социальные взгляды Нажмуддина Гоцинского (1859–1925 гг.) // Религиоведение. 2018. № 2. С. 21–29.

Сусуев З. А. Чечено-российские отношения и идея чеченской государственности: политический очерк. М., 2018. 548 с.

Центральный государственный архив Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 271.

Центральный государственный архив Республики Дагестан Ф. 614-р. Оп. 1. Д. 4.

References

Babich I. L. (2008). Gosudarstvenno-pravovoe regulirovanie religioznoj politiki Rossijskoj imperii na Severnom Kavkaze (koniec XVIII — nachalo XX v.) [State and Legal Regulation of the Religious Policy of the Russian Empire in the North Caucasus (late XVIII — early XX century)]. *Zhurnal social'no-politicheskikh i ekonomicheskikh issledovanij*. 2008. Iss. 3. Yaroslavl.

Vachagaev M. M. (2018). *Soyuz gorcev Severnogo Kavkaza i Gorskaya respublika. Istoriya nesostoyavshegosya gosudarstva. 1917–1920* [The Union of Mountaineers of the North Caucasus and the Mountain Republic. The History of the Failed State. 1917–1920]. Moscow.

Zhansitov O. A. (2009). Grazhdanskaya vojna v Kabarde: nacional'no-religioznyj aspekt [The Civil War in Kabarda: the National-Religious Aspect]. *Aktualnye problem istorii i etnografii narodov Kavkaza: Sbornik k 60-letiyu V. H. Kazharova*. Nalchik. Pp. 347–357.

Kambiev A. M. (2021). Nazhmuddin Gocinskij — aktivnyj deyatel' revolyucii i Grazhdanskoj vojny na Severnom Kavkaze (1917–1920) [Nazhmuddin Gotsinsky, an Active Figure of the Revolution and Civil War in the North Caucasus (1917–1920)]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'*. 2021. Iss. 2. Pp. 135–140.

Karmov A. H. (2018). Pshemaho Kocov — obshchestvenno-politicheskij i gosudarstvennyj deyatel' Severnogo Kavkaza. [Przemakho Kotsev a North Caucasian Statesman]. Nalchik. 168 p.

Kulumbekova A. K. (2013). Terskoe kazachestvo v mezhnacional'nyh otnosheniyah na Severnom Kavkaze v 1917 g. [The Terek Cossacks in Interethnic Relations in the North Caucasus in 1917]. *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo centra*. 2013. Iss. 1. Vladikavkaz. Pp. 27–35

Lobanov V. B., Artem'ev A. S. (2019). Vladikavkazskij s'ezd gorskih narodov Severnogo Kavkaza v mae 1917 g. [Vladikavkaz Congress of the Mountain Peoples of the North Caucasus in May 1917]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'*. 2019. Iss. 2. Pp. 73–77.

Litvinova T. N. (2017). Politicheskaya institucionalizaciya i bor'ba elit na Severnom Kavkaze v period revolyucii 1917 goda i Grazhdanskoj vojny

[Political institutionalization and Elite Struggle in the North Caucasus during the 1917 Revolution and Civil War]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*. 2017. Iss. 4. Pp. 154–168

Karmov A. H. (Ed.) (2014). *Materialy s'ezdov gorskih narodov Severnogo Kavkaza i Dagestana 1917 goda* [Materials of the congresses of the mountain peoples of the North Caucasus and Dagestan in 1917]. Nalchik. 168 p.

Matiev T. H. (2020). Rol' religioznoj sostavlyayushchej v nacional'nom dvizhenii gorcev Severnogo Kavkaza vo vtoroj polovine 1917 g. [The Role of Religious Component in the National Movement of the Highlanders of the North Caucasus in the Second Half of 1917]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'*. 2020. Iss. 1. Pp. 33–37.

Muzaev T. M. (2012). *Soyuz gorcev. Russkaya revolyuciya i narody Severnogo Kavkaza, 1917 — mart 1918 goda* [Union of Mountaineers. The Russian Revolution and the Peoples of the North Caucasus, 1917 — March 1918]. Nalchik. 606 p.

Oreshin S. A. (2019). Musul'manskaya teokraticheskaya monarhiya na Severnom Kavkaze v period rossijskoj Revolyucii 1917 goda i Grazhdanskoj vojny: idei i popytki realizacii. [Muslim Theocratic Monarchy in the North Caucasus During the Russian Revolution of 1917 and the Civil War: Ideas and Attempts to Implement]. *Islamovedenie*. 2019. Iss. 3. Pp. 81–92.

Osmanov A. (1994). *Soyuz ob'edinennyh gorcev Severnogo Kavkaza i Dagestana (1917–1918 gg.), Gorskaya respublika (1918–1920 gg.): dokumenty i materialy* [Union of Mountaineers of the North Caucasus and Dagestan (1917–1918), Mountain Republic (1918–1920): documents and materials]. Makhachkala. 438 p.

Sulaev I. H. (2018). Obshchestvenno-politicheskie i social'nye vzglyady Nazhmuddina Gocinskogo (1859–1925 gg.). [Socio-Political Views of Nazhmuddin Gotsinsky (1859–1925)]. *Religiovedenie*. 2018. Iss 2. Pp. 21–29.

Susuev Z. A. (2018). *Checheno-rossijskie otnosheniya i ideya chechenskoj gosudarstvennosti. Politicheskij ocherk* [Chechen-Russian Relations and Idea of Chechen Statehood. Political essay]. Moscow. 548 p.

Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkar Republic. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 271.

Central State Archive of the Republic of Dagestan. Ф. 614-р. Оп. 1. Д. 4.

NORTH CAUCASIAN MUSLIM CLERGY BETWEEN THE FEBRUARY AND OCTOBER REVOLUTIONS OF 1917

Abstract. The article examines the activities of the Muslim clergy of the North Caucasus in the period between the February and October revolutions of 1917, i. e. of a social group that was at the forefront of political processes in the region. The social boundaries of this group and its role in the life of the peoples of the region of the period under consideration are substantiated. The initiatives of the Muslim clergy concerning changes in the social life of the North Caucasian society are analysed. The evolution of its political line is traced from close interaction with the national intelligentsia, characteristic of the spring of 1917, to claims to the fullness of political power, clearly defined by the summer of 1917. Attention is paid to attempts to implement the idea of creating a theocratic state in the North Caucasus. The lack of political unity among the Muslim clergy is emphasized, the reasons for the deepening of contradictions in the period following the October Revolution of 1917 are explained. The role of this social group in the political processes in the North Caucasus between the February and October revolutions of 1917 is assessed.

Keywords: revolution, Muslim clergy, mufti, imam, theocratic state, congress.

Alexandra N. TAKOVA,

Cand. Sci. (Hist.), senior researcher, Department of modern history of
the Institute of Humanitarian Studies, Kabardino-Balkarian
Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences
(18, Pushkin Str., Nalchik, KBR, 360000, Russian Federation).
E-mail: sanatakova@yandex.ru

*ИСЛАМ
В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЖИЗНИ СТРАН И НАРОДОВ*

